

Религиоведение. 2022. № 3. С. 5–11.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 3. P. 5–11.

DOI: 10.22250/20728662_2022_3_5

Левицкий В.С.

*Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации
1040, Бельгия, г. Брюссель, ул. Шумана 6
Victor2609@ukr.net*

Социальное измерение кристаллизации культурной онтологии в апостольской дискуссии о судьбе церкви и его значение

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса артикуляции важнейших практических императивов христианского смыслового универсума как онтологического истока социальной реальности модерна, осуществлённому в раннехристианских спорах о возможности проповеди Благой вести язычникам. Предметом теоретического разбора выступают три этапа церковной дискуссии: 1) в Антиохии по поводу необходимости обрезания для неиудеев, 2) так называемый Иерусалимский собор, в котором приняли участие апостолы Иаков, Петр, Иоанн и Павел с Варнавой, 3) антиохийский спор о возможности совместной трапезы иудеев и язычников. Показано, что в процессе указанных дискуссий не просто решались частные вопросы о необходимости обрезания для христиан неиудеев или обязательности для них исполнения закона Моисея. В этот момент определялась дальнейшая стратегия развития церкви и её возможность стать Кафалической, преодолевающей государственные и национальные границы. Реконструированная в статье структура утверждения центральных вероучительных положений христианства состоит из 1) акта коллегиального утверждения субъективного экзистенциального опыта постижения Истины Савлом, который в результате церковного признания превращается в апостола язычников Павла, 2) закрепления решения соборов в качестве общецерковной нормы, фиксирующей Истину на уровне нефальсифицируемых императивов, 3) укрепления внутрицерковной солидарности и продвижения церкви как единственного носителя Истины в процессе перформативного утверждения артикулированных догматов. Делается вывод о значении социального закрепления и продвижения онтологических аксиом для формирования христианского культурного универсума, ставшего сердцевинной социальной реальностью западной цивилизации.

Ключевые слова: христианство, апостол Павел, Собор, церковь, социальная реальность, экзистенциальный опыт, коллегиальное решение

Viktor S. Levytskyi

*Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation
6 Round-point Schuman 6, Brussel, 1040, Belgium
Victor2609@ukr.net*

The Social Measuring of the Crystallization of Cultural Ontology in the Apostolic Discussion about the Fate of the Church and Its Significance

Abstract. The article analyses of the process of articulation of the most important practical imperatives of the Christian semantic universe as the ontological source of the social reality of modernity, carried out in early Christian disputes about the possibility of preaching the Good News to pagans. The subject of theoretical analysis represents three stages of church discussion: 1) in Antioch about the need for circumcision for non-Jews, 2) the so-called Jerusalem Cathedral, in which the apostles James, Peter, John and Paul and Barnabas took part, 3) Antioch dispute about the possibility of a joint meal between Jews and pagans. It is shown that in the process of these discussions, they did not just solve particular questions about the need for circumcision for non-Jews Christians or the obligation for them to comply with the Law of Moses. At this moment, the further strategy of the development of the Church and its opportunity to become a Catholic Church, the one that is transcending state and national borders, were determined. The structure of the assertion of the central doctrinal principles of Christianity, which has been reconstructed in the article, consists of 1) the act of collegial approval of the subjective existential experience of comprehending the Truth by Saul, who, as a result of church recognition, turns into Paul, the apostle of the pagans, 2) consolidation of the decisions of councils as a general ecclesiastical norm, which is fixating Truth at the level of unfalsified imperatives, 3) strengthening of intra-church solidarity and promotion of the Church as

the only bearer of Truth in the process of the performative assertion of articulated dogmas. A conclusion is made related to the importance of social consolidation and promotion of ontological axioms for the formation of a Christian cultural universe, which has become the core of the social reality of Western civilization.

Key words: Christianity, Paul the Apostle, council, church, social reality, existential experience, collegial decision

Введение

История раннехристианской мысли давно и оправданно выступает предметом церковной истории, теологии и религиоведения. Однако сегодня необходимо считаться с той определяющей ролью, которое мышление поначалу локального религиозного сообщества сыграло в истории западной цивилизации. Как метко выразился будущий вице-премьер Италии, а на тот момент известный писатель Клаудио Мартелли, «просвещение является частью тысячелетней эволюции христианства» [Мартелли, 2016, 85]. Само же Просвещение выступило парадигмой обустройства того культурного ландшафта, который мы сегодня называем «современностью» (модерном). С этой точки зрения перипетии раннехристианской мысли представляют собой модель, или, если угодно, идеальный эмбрион, того смыслового универсума, который разрастётся из своего истока до планетарных масштабов. Именно поэтому раннехристианская мысль, донесённая до нас в Писании, документах, материальных артефактах, поступках и свидетельствах современников, может стать бесценным материалом и в эпистемологических и онтологических исследованиях.

Можно констатировать, что процесс становления христианской социальной реальности не был предопределён и неоднократно проходил через водоразделы, в которых определялась её дальнейшая судьба и конфигурация. К таким ключевым эпизодам становления христианской культурной парадигмы относится, как это было показано ранее¹, борьба церкви с гностическими учениями или принятие Никео-Цареградского Символа веры. Несомненно, того же рода был и спор в ранней церкви относительно проповеди язычникам, в ходе которого были формализованы принципы, на многие столетия определившие стратегию развития церкви, а соответственно и облик сформированного ею смыслового универсума. Данная статья продолжает логику герменевтического погружения, предложенную в статье «Социология смысла: роль церкви в противостоянии гностицизма и ортодоксии как онтологических парадигм», хотя и касается более раннего периода развития христианской церкви и направлена на уточнение механизма артикуляции и закрепления онтологических стандартов мышления определённой культуры.

Экзистенциально-личностный фактор спора о проповеди язычникам

Относительно миссии ап. Павла Г. Кюнг писал: «То, что не удалось ни про рокам, ни раввинам, удалось Павлу, а именно – распространить веру в единого Бога Израиля по всему свету» [Кюнг, 2017, 36]. Швейцарский исследователь указывал, что без Павла невозможно было бы представить ни патристики, ни Константиновского поворота, ни позднейших трансформаций: ни Лютера, ни Барта. И это при том, что проповедь Христа казалась неприемлемой как в Афинах, так и в Иерусалиме. Э. Жильсон, комментируя знаменитые слова ап. Павла из Послания к Коринфянам [1 Кор 1:19–25], говорит: «Новое откровение, как оно определяет само себя в Первом послании к коринфянам, оказывается скандалом для иудаизма и для эллинизма. Евреи хотят прийти к спасению через буквальное соблюдение закона и покорность установлениям Бога, чьё всемогущество проявляется в чудесах славы. Эллины хотят добиться спасения через правильную направленность воли и достоверность, обрётённую в естественном свете разума. Что несёт христианство тем и другим? Спасение через веру во Христа распятого, то есть скандал для евреев, которые ждут чуда славы, а им предлагают бесчестье униженного Бога; и скандал для эллинов, которые ждут умопостигаемого, а им предлагают абсурд Богочеловека, умершего на кресте и воскресшего из мёртвых ради нашего спасения» [Жильсон, 2011, 27].

Сегодня, когда христианство является одной из мировых религий, объединяющей, наверное, все народы, всё это кажется естественным положением дел, однако

в первые десятилетия распространения новой религии такой «успех» вовсе не был очевидным. Ранняя церковь уже на самой заре своего становления оказалась перед дилеммой, от разрешения которой зависела вся дальнейшая история. В конечном итоге выбранный путь был не единственно возможным и даже, вероятно, не наиболее очевидным. Несомненно, основная заслуга в выборе варианта, который сегодня именуется официальным христианством, принадлежит ап. Павлу. Хорошим примером значимости выбора в данной ситуации иной стратегии развития служит община евионитов – иудействующих христиан, не признававшая текстов Павла, отступника от Закона, и требовавшая исполнения закона Моисея, прекратившая существование в VII в.

Прежде чем подойти к кульминационному моменту исторической бифуркации – «Иерусалимскому собору», на котором и решалась дальнейшая судьба церкви, обоснованным представляется обратить внимание на личностные характеристики Павла, которые, судя по всему, сыграли важную роль в диспуте относительно проповеди Евангелия среди язычников.

В отличие от двенадцати апостолов, Павел был родом не из Палестины и вырос на немного иной культурной почве. Апостол Павел происходил из города Тарс в Киликии (территория современной Турции), родился между 5 и 10 гг. н.э. в еврейской семье. С рождения имел привилегированное положение римского гражданина. В Деяниях [22:22–29] сообщается о том, как Павла хотели бичевать, а он спросил подошедшего к нему сотника, позволено ли им бичевать римского гражданина, да ещё и без суда. Испугавшийся сотник доложил о произошедшем тысяченачальнику, который спросил: «скажи мне, ты Римский гражданин? Он сказал: да. Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я родился в нём» [Деян 22:27–28].

Вместе с тем Павел был хорошо образован и как иудей, и как эллин. Первоначальное образование он получил в Иерусалиме, продолжал осваивать религиозную традицию и Закон у выдающегося иудейского учителя I века Гамалиила [Деян 22]. Как указывает Р. Фабрис, от иудейской учёности Павел получил знание Библии, экзегетические методы и критерии толкования. В свою очередь, греко-римский мир дал ему формы аргументации и коммуникационные модели. В целом итальянский исследователь жизни и творчества ап. Павла следующим образом трактует встречу Афин и Иерусалима в личности Савла: «Происхождение и воспитание поместили Павла на границу между иудейским и греко-эллинистическим мирами, которые встречаются, в частности, в Иерусалиме. О том, какого рода образование получил Павел, свидетельствуют его письма. Он пишет – или, скорее, диктует – по-гречески. Это язык среднего уровня, бывший в ходу в I веке и называемый “койне”, “общеупотребительный (греческий) язык”. Лексика и стиль выдают знакомство автора посланий с переводом “Семидесяти”» [Фабрис, 2008, 41].

Таким образом, по происхождению, образованию и культурной идентичности Павел отличался от других апостолов, в частности, от рыбака Симона из Вифании. Он изначально принадлежал не только к иудейской, но и к греко-римской цивилизации, в связи с чем имел более универсальный кругозор, позволявший ему включать широкие культурные горизонты в собственное мировоззрение.

Миссия к язычникам:

победа универсалистской экклесиологической стратегии

Кристаллизация универсалистской позиции Павла проходила через три ключевых, выделяемых всеми исследователями, эпизода: спор в Антиохии относительно необходимости обрезания для христиан-неевреев [Деян 15:1–4], «Иерусалимский собор» [Деян 15:5–31], антиохийский спор о совместной трапезе христиан из иудеев и из язычников [Гал 2:11–21]. В первом случае Павлу противостояли фарисеи, поддержанные ап. Иаковом, на соборе рассматривали Иаков, Иоанн и Пётр с одной стороны, Павел и Варнава – с другой, второй раз в Антиохии Павлу оппонировал Пётр. Исследователи признают судьбоносное значение антиохийского спора и Иерусалимского собора. Немецкий теолог Иоахим Гнилка на ватиканском симпозиуме относительно служения

ап. Петра приводит слова В. Шенка, который говорил: «Скажи мне, как ты понимаешь антиохийский эпизод, и я скажу, какой ты христианин» [Цит. по: Гнилка, <http://vstrecha-center.ru/lib/book/read/669/#toc>].

На самом деле антиохийский спор поставил вопрос не просто об обрезании язычников и позже совместной трапезе с ними, это был вопрос о дальнейшем развитии церкви с одной стороны и осмыслении отношения к закону Моисея и ветхозаветным текстам – с другой. В этот момент церковь уясняла свою идентичность, сепарируя себя как от иудейской почвы, так и от различных сект, бурно расцветших в первые века новой эры. Можно сказать, что два крайних полюса в этом вопросе в ранней церкви были представлены иудео-христианами, опирающимися на авторитет Иакова и настаивающими на соблюдении Закона, и Маркионом и его последователями, отвергавшими ветхозаветную традицию [Тертуллиан, 2010]. Церковь не пошла ни одним из этих путей, предложив собственное альтернативное видение себя в мире, которое позволило в конечном счёте основать отдельную христианскую цивилизацию.

На момент спора сложилась ситуация, которая отличалась от ещё недавнего прошлого и нуждалась в дополнительном осмыслении. Рост верующих нееврейского происхождения требовал ответа на вопрос, относительно соотношения церкви и обетований Божиих Израилю: можно ли считать церковь наследницей Завета, если большинство верующих не иудеи? Как очевидно, это были фундаментальные вопросы о собственной идентичности, видении будущего развития церкви, повседневной и ритуальной практике.

Иудео-христиане требуют соблюдения Закона и обрезания для всех новообращённых, только так можно получить спасение, в свою очередь, присутствие в церкви необрезанных преграждает входение в неё для евреев. Ранняя церковь оказывается перед дилеммой, которую Р. Фабрис формулирует следующим образом: «Что же делать? Создать две параллельные церкви, одну для благочестивых иудео-христиан, а другую для христиан из язычников и для экуменически настроенных иудео-христиан? С точки зрения Луки, на карту поставлена не только миссионерская методология, но сама идентичность Церкви как наследницы обетований Божиих» [Фабрис, 2008, 162–163].

Этот драматичный вызов и привёл к «созыву» Иерусалимского собора, на котором решалась дальнейшая судьба церкви. Сам собор прошёл, судя по всему, в конце 40-х гг., как было указано выше, с участием трёх столпов ранней церкви: Иакова, Петра, Иоанна². Апостолы выслушали сторону иудео-христиан, настаивающих на необходимости обрезания и Павла с Варнавой, отстаивавших спасение через веру в Иисуса Христа. В рамках данного исследования среди прочего необходимо отметить несколько судьбоносных решений, принятых Собором апостолов: 1) легитимация Павла как апостола язычников, 2) принятие универсалистско-унификационной стратегии развития церкви, 3) введение практики решения спорных вопросов путём коллегиального обсуждения и совместного принятия решения (собор).

Легитимация Павла как апостола язычников привела в конечном счёте к осмыслению и созданию Вселенской церкви, выступившей социальной и институциональной основой формирования христианской социальной реальности, которая вскоре «поглотила» весь греко-римский культурный ареал. В дальнейшем именно убеждения нового апостола, опирающиеся на его персональный религиозный опыт и культурно-философские познания, выступили одним из определяющих факторов в артикуляции истинного и допустимого в мировоззрении христианской церкви I-го века.

Исследователи, опираясь на текст Послания к Галатам «ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» [Гал 1:12], утверждают, что Павел понимал своё апостольство, точно так же, как и непосредственные ученики – от самого Христа. Православный богослов Феодор Стigliанопулос отмечает: «Павел осознавал, что апостольскую власть он получил прямо от воскресшего Христа и это апостольство было таким же, как апостольство Петра и других учеников» [Стigliанопулос, vstrecha-center.ru/lib/book/read/669/#toc1]. На соборе

же, с одной стороны, это было признано самой церковью, на что указывает текст Послания: «и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения» [Гал 2:9]; а с другой – миссия была разделена, и Павел получил задание проповеди среди язычников:³ «Мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных (ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников)» [Гал 2:7–8]. Протестантский исследователь Павлова наследия Й. Барон в связи с этим пишет: «Павел свое призвание понимает не просто как апостольство, которое от Христа получили и Двенадцать; он ясно осознаёт себя “Апостолом язычников”. Именно *такое* его апостольство мы можем представить и как “метод” в пользу успешного распространения Христианства в мире»⁴ [Барон, 2013, 95]. Таким образом, Собор зафиксировал: 1) признание «апостольства Павла» как равного с другими апостолами, получившими его непосредственно от Христа; 2) дозволение и необходимость миссии к язычникам; 3) освобождение язычников от соблюдения Моисеева закона. Выбор именно этой еkkлeсиальной стратегии, сделанный в значительной степени на основе экзистенциального опыта Павла, элиминировал национальные границы и позволил церкви в полном смысле слова стать Кафолической институцией.

Сам факт появления «апостола язычников» повлиял на выработку Собором универсалистско-унификационной стратегии развития церкви, которая ещё неоднократно в истории докажет свою эффективность. После требования иудео-христианами обязательного обрезания для неевреев, выступил Пётр, который сказал: «Сердцеведец Бог дал им (язычникам – Л.В.) свидетельство, даровав им Духа Святого как и нам; и не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив сердца их... Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасёмся, как и они» [Деян 15:8–11]. После этого слово взял Иаков (вероятно, наибольший авторитет Иерусалимской церкви), подтвердивший позицию Петра и постановивший: «Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от осквернённого идолами, от блуда, удушения и крови, и чтобы не делали другим, чего не хотят себе» [Деян 15:19–20].

Собственно, в этот момент одержала победу универсалистско-унификационная стратегия церкви. Во-первых, таким решением все народы были включены в единое пространство проповеди, врата церкви открылись для всех в независимости от происхождения и национальной принадлежности. Во-вторых, церковь открылась для них на единых основаниях и условиях, в каждом уголке империи предъявлялись одинаковые требования к новообращённым: как к евреям, так и к язычникам. В-третьих, этим постановлением был сделан шаг к отрыву от материнской для христианства традиции, который правомернее назвать ассимиляцией или поглощением её в качестве собственной предстории. Й. Ратцингер так описывает это событие: «... через встречу с Иисусом Назарянином Бог Израиля стал Богом для всех народов. В Нём действительно исполнилось пророчество, что все народы будут поклоняться Богу Израиля как единственному Богу, и “гора дома Господня” будет поставлена во главу гор» [Ратцингер, 2007, 118].

Собор как процедурный принцип установления истины

И, наконец, третий, казалось бы, технический, но при этом весьма важный момент – способ принятия решения. Из текста Деяний видно, что Собор был коллегиальным, публичным мероприятием, собравшем апостолов и пресвитеров для рассмотрения спорного вопроса. Публичным выступлениям апостолов предшествовали «прения» («по долгом рассуждении Пётр, встав, сказал им» [Деян 15:7], после этого слово взяли Павел и Варнава). Завершил рассмотрение вопроса Иаков, представивший окончательное постановление, которое было одобрено всеми апостолами и пресвитерами. Закончился Иерусалимский собор «Соборным посланием»: «Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою... написав и вручив им следующее...» [Деян 15:22,23]. Таким образом, было положено начало практике соборов, которая через три столетия откроет новую эпоху Вселенских соборов, своим авторитетом противостоявших еретическим движениям и прояснявших догматическое учение, вокруг которого кристаллизировалась идентичность ортодоксальных христиан.

На эту сторону вопроса не так часто обращают внимание, но её ни в коем случае нельзя назвать несущественной. Именно в такой соборной практике был принят Никео-Цареградский Символ веры, ставший смысловым центром христианской социальной реальности [Левицкий, 2020], был решён вопрос о природе Христа, получила догматические основания иконопись и т.д. Кроме того, следует особенно подчеркнуть, на что обращают внимание и исследователи, что сама форма поиска истины в виде проведения собора оказалась весьма эвристичной и в дальнейшем методологически оказала влияние на принципы научной рациональности, вокруг которой сформирована уже новая – социальная реальность модерна [Білокобильський, Єрошенко, 2009].

Заключение

Резюмируя, следует отметить следующее. Во-первых, личные убеждения ап. Павла, основанные на его религиозном и философском опыте, выступили важнейшим фактором того, что антиохийский спор разрешился в пользу глобалистской стратегии и церковь стала развиваться согласно универсалистским представлениям. Во-вторых, на Иерусалимском соборе церковь, в лице самой авторитетной на тот момент иерусалимской общины, закрепив артикулированные апостолом Павлом положения, взяла на себя ответственность за решение дискуссионных вопросов, заявив тем самым своё монопольное право на истину, а как следствие и на образ реальности, этой истине соответствующий. Этот акт, с одной стороны, экстериоризировал предмет веры одного из апостолов в общецерковное учение, а с другой – стал прецедентом в процессе коллегиальной выработки церковных догматов. В-третьих, на примере анализа спора о проповеди язычникам видно, что выбор дальнейшей ектлесийной стратегии не был заранее предопределён, а был сделан в результате коллективного поиска Истины и пути к этой Истине. Однако именно убеждённость верующих в правильности своей позиции превратила экзистенциальный факт в социальный и сделала его перформативным фактором культурного продвижения церкви, предопределив тем самым конфигурацию будущего смыслового универсума всей цивилизации.

Библиографический список

1. Барон, Й., архиепископ. Теология св. апостола Павла в свете Христианского Единства / архиепископ Й. Барон. – СПб.: Алетейя, 2013. – 632 с.
2. Білокобильський, О.В. Боротьба з ересями в християнстві III–VII століть як джерело наукової раціональності / О.В. Білокобильський, Т.В. Єрошенко // Схід. Аналітично-інформаційний журнал. – 2009. – № 4. – С. 97–101.
3. Гнилка, Иоаким. Служение Петра – по Новозаветным основаниям [Электронный ресурс] / И. Гнилка. – URL: <http://vstrecha-center.ru/lib/book/read/669/#toc1> (дата обращения 21.11.2021).
4. Жильсон, Э. Дух средневековой философии / Э. Жильсон / Пер. с французского Г.В. Вдовиной. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. – 560 с.
5. Кюнг, Г. Великие христианские мыслители / Г. Кюнг. – СПб.: Алетейя, 2017. – 444 с.
6. Левицкий, В.С. «Социология онтологии»: значение социальных аспектов борьбы за Символ веры на Первом Вселенском соборе / В.С. Левицкий // Религиоведение. – 2020. – № 3. – С. 69–77.
7. Мартеллі, Клавдіо. Світське кредо християнського гуманізму / Клавдіо Мартеллі // Мартіні Карло Марія, Еко Умберто. У що вірить той, хто не вірить? – Жовква: Місіонер, 2016. – С. 84–95.
8. Ратцингер, Й. (Бенедикт XVI) Многообразие религий и единый завет / Й. Ратцингер. – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 130 с.
9. Стилианопулос, Ф. К вопросу о библейском основании первенства. [Электронный ресурс] / Ф. Стилианопулос. – URL: vstrecha-center.ru/lib/book/read/669/#toc1 (дата обращения 21.11.2021).
10. Тертуллиан, К. Против Маркиона в пяти книгах / К. Тертуллиан, Ф. Септимий. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», «Университетская книга – СПб», 2010. – 576 с.

11. Фабрис, Р. Павел. Апостол народов / Р. Фабрис / Пер. с итал. Виктории Тимофеевой. – М.: Паолине, 2008. – 416 с.

Текст поступил в редакцию 15.02.2022.

Принят к публикации 18.04.2022.

Опубликован 29.09.2022.

¹ См. ранее опубликованные на эту тему статьи автора: Левицкий В.С. «Социология онтологии»: значение социальных аспектов борьбы за Символ веры на Первом Вселенском соборе // *Религиоведение*. 2020. № 3. С. 69–77; Левицкий В.С. Социология смысла: роль церкви в противостоянии гностицизма и ортодоксии как онтологических парадигм // *Религиоведение*. 2021. № 2. С. 5–16.

² Р. Фабрис пишет в связи с этим: «Число персонажей – три – отвечает библейскому юридическому принципу, который при слушании дела требует присутствия двух или трёх свидетелей (Втор 19,15)» [Фабрис, 2008, 178].

³ См. Р. Фабрис: «Что важно, так это задание, порученное Богом, с одной стороны, Петру, а с другой – Павлу. Их предназначение симметрично: один послан возвестить Евангелие среди язычников (Павел), другой – среди евреев (Пётр). Вот что открыто признали главы иерусалимской церкви. Но особым образом они приняли к сведению, что Павел получил, по свободной инициативе Бога – по «благодати» – специальную миссию к неевреям. Поэтому заключительный жест общения – «подали... руку общения» – выражает осознание и признание того, что есть два направления христианской миссии: к евреям и к язычникам» [Фабрис, 2008, 171–172].

⁴ Эту же мысль Р. Фабрис передаёт следующим образом: «Иерусалимский собор», с событиями, которые ему предшествуют и за ним следуют, – своего рода водораздел в миссионерской биографии Павла. После этого собора Павел стал признанным миссионером язычников» [Фабрис, 2008, 186].

References

1. Baron J., archbishop. *Teologiya sv. apostola Pavla v svete Khristianskogo Edinstva*. [Theology of St. the Apostle Paul in the Light of Christian Unity]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2013, 632 p. (in Russian).
2. Bilokobyl'skyi O.V., Eroshenko T.V. *Skhid. Analitichno-informatsyniy zhurnal* [West. Analytical and Informational Journal]. Donetsk, 2009, no. 4, pp. 97–101 (in Ukrainian).
3. Étienne Henry Gilson. *L'Esprit de la philosophie médiévale*. Paris: Librarie Philosophique J. Vrin, 1960, 448 p. (Russ. ed.: Étienne Henry Gilson. *Dukh srednevekovoy filosofii*. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011, 560 p.).
4. Fabris Rinaldo. *Paolo. L'apostolo delle genti*. Milano: Paoline, 1997, 622 p. (Russ. ed.: Fabris Rinaldo. *Pavel. Apostol narodov*. Moscow: Paoline, 2008, 416 p.).
5. Gnilya Ioakhim. *Sluzhenie Petra – po Novozavetnym osnovaniyam* [Peter's Ministry – New Testament Principles]. Available at: <http://vstrecha-center.ru/lib/book/read/669/#toc1> (accessed on November 21, 2021) (in Russian).
6. Joseph Aloisius Ratzinger (Benedict XVI). *Many Religions, One Covenant: Israel, the Church, and the World*. Ignatius Press, 1999. 113 p. (Russ. ed.: Joseph Aloisius Ratzinger *Mnogoobrazie religiy i edinyy zavet* Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2007, 130 p.).
7. Küng Hans. *Große christliche Denker*. München: Piper, 1994. 287 c. (Russ. ed.: Küng Hans. *Velikie khristianskie mysliteli*. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2017, 444 p.).
8. Levitsky V.S. *Religiovedenie* [Study of Religions]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2020, no. 3, pp. 69–77 (in Russian).
9. Martelli Claudio. *Svits'ke kredo khristiyans'kogo gumanizmu* [Secular Credo of Christian Humanism] in Carlo Maria Martini, Umberto Eco. *In cosa crede chi non crede?* Milano: Bompiani, 2014, 123 p. (Ukr. ed. Carlo Maria Martini, Umberto Eco. *U shcho virit' toy, khto ne virit'?* Zhovkva: Misioner, 2016, pp. 84–95).
10. Q. Septimi Florentis Tertulliani. *Protiv Markiona v pyati knigakh* [Adversus Marcionem]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., Pal'mira Publ., 2010, 576 p. (in Russian).
11. Stilianopoulos Feodor. *K voprosu o bibleyskom osnovanii pervenstva* [On the Question of the Biblical Basis of Primacy]. Available at: vstrecha-center.ru/lib/book/read/669/#toc1 (accessed on November 21, 2021) (In Russian).
- 12.

Submitted for publication: February 15, 2022.

Accepted for publication: April 18, 2022.

Published: September 29, 2022.